

Александр Александрович Романов

СЕВЕРНОЕ ДИВО

Слово «Вологда» произносится, как глубокий выдох. Протяжные звуки «о», соединённые нежным «л», придают ему запевное очарование. Так и слышатся поначалу понятные слова «волога», «влага», но последний твёрдый слог придаёт вдруг всему звучанию таинственность.

«Вологда» — что же всё-таки значит? Говорят, на языке одного угрофинского племени это «светлая река». А вот поэт Александр Яшин написал: «Ты проедешь волок, ещё волок, да ещё волок — будет город Вологда».

И по-русски тоже красиво! И рифмуется «Вологда» всегда со словами «холодно», «золото», «молодо». Опять-таки добрый и значительный смысл в этом. Выдыхаешь «Во-лог-да», и грудь облегчается полностью. Будто признался в любви. И надо вновь набрать воздуха широко и вольно, чтобы это слово жило и пело в твоей душе.

Стоишь, скажем, на высоком берегу у Петровского домика, и кружит тебе голову тонкий аромат цветущих яблонь, приятный дух клейких тополей, а откуда-то из-

далека наплывает ещё свежая сладость белых черёмух. Дыши, радуйся. Смотри-думай. Как само слово, весь город наполнен звучанием русской истории. Взглянешь на решётчатые окна этого домика, в которых отражается река с белыми теплоходами и летящими моторными лодками — и вдруг представишь в их смутной глубине мужицкий облик Петра Великого, его суровый, властный взгляд...

Пойдёшь выше по реке, в зелёном разливе берёз, и увидишь, как то тут, то там всплывают над крышами домов седые купола церквей. Над ними — только столетия и синева. Да ещё реактивный самолет прочертит белый след, словно гигантской нитью прошьёт минувшие столетия. И опять подумаешь сопоставимо: как прекрасен и одухотворён древний камень и как поразительно могущество стальных крыльев современности! Не прерывается время, оно живёт и овеществляется только в труде: от предков — к нам, от нас — к потомкам...

А когда окажешься перед Софийским собором, от изумления замрёшь и высветлишься лицом и сердцем. Ослепительно строги его линии и грани. Они плывут в высоту, увлекаемые шарами куполов, и связывают воедино землю и небо. Это белое чудо собора, как былина, высказанная в камне, как сама летопись, оставленная потомкам для восхищения и изучения народной жизни. Прислушайся — и услышишь на стёртых плитах холодящий душу звук посоха Ивана Грозного, его властный голос, похожий на орлиный клёкот. И отзывный, широкий гул мастерового народа. И звон обожжённого, калённого до синевы кирпича. В вековых камнях — всюду людские тени.

А бросишь взгляд дальше, в голубую излучину реки, — увидишь на высоком берегу мерцающий строгий обелиск*. Здесь, на этой малой площадке, началась когда-то с одной бревенчатой избы и пошла-почала расти окрест Вологда. Сердце переполнится дивом, когда на миг представишь себе эту одинокую избушку, с дымком над крышей, с челном* под берегом...

Вологда — не просто древний город. Вологда — понятие историческое в судьбе России. Отсюда уходили ратники на лёд Чудского озера, на поле Куликово. Отсюда устремлялись через Урал и Сибирь к далёким берегам Аляски великие землепроходцы и собиратели российских земель. Отсюда на всю Русь плыла слава мужицкого топора, умевшего из дерева — без единого гвоздя! — вознести к небу красоту и святыню.

У Вологды свой «норов», выделяющий её из многих городов России. Она узорная, светлая и приветливая. Деревянные кружева ткутся над окнами и крыльцами, каменная белая вязь тянется по зелёным берегам, а над всем городом свежо плывёт берёзовый и тополиный лепет.

И ритм на улицах особый — без нервной суеты, и разговор добрый — от сердца, от полноты жизни, от широты характера.

Что-то лебединое, трогательное есть в Вологде, будто она, как большая белая птица, летит сквозь века в прохладной синеве Русского Севера, не отставая от своей ровесницы — Москвы.